

Артур Конан
ДОЙЛ

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ (1893)

Поскольку в «Этюде в багровых тонах» читатель знакомится с Шерлоком Холмсом и его методами работы, издатели решили привести здесь заметку о Шерлоке Холмсе, которую доктор Джозеф Белл, прежний учитель доктора Дойла и прообраз Шерлока Холмса, опубликовал недавно в «Букмэне». Несомненно, она весьма заинтересует читателей, которые увидят ее впервые.

По словам доктора Дойла, опубликованным на страницах «Стрэнд мэгэзин», доктор Белл, принимая пациентов, проявлял «интуицию поистине поразительную». Вот вам первый случай.

«„Вижу, — говорит доктор Белл, — вы злоупотребляете выпивкой: у вас и сейчас при себе фляжка — во внутреннем кармане на груди“.

А вот другой.

„Как вижу, сапожник“. Повернувшись к студентам, доктор Белл указывает на изношенные на коленке брюки этого человека. Там он держал выколотку — так делают только сапожники.

Все это очень меня поразило. Я наблюдал его постоянно: зоркие, пронизательные глаза, орлиный нос, необычные черты. Он сидел в кресле, сложив пальцы домиком (руки у него были очень подвижные), и просто смотрел на пациента или пациентку. Со студентами он обращался ласково, по-дружески и обучал их очень добросовестно; уехав по окончании университета в Африку,

я не забыл яркую индивидуальность моего прежнего преподавателя, его проницательность и такт, хотя и представить себе не мог, что в конце концов эти воспоминания побудят меня бросить медицину и заняться литературой».

Что доктор Дойл решил «бросить медицину и заняться литературой» и к чему это привело, известно всем. И поскольку Шерлок Холмс сделался добрым знакомым каждой семьи и едва ли не общественной институцией, издатели «Этюда в багровых тонах» полагают, что рассказ о том, как доктор Дойл обучался профессии и как сформировалась у него привычка к точному наблюдению, будет интересен многим читателям. Приносим нашу искреннюю благодарность доктору Дойлу, доктору Беллу, а также издателю и владельцам «Букмэна» за любезное разрешение воспроизвести здесь эту статью.

Доктор Джозеф Белл «МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС»

Вот недурная примета последнего десятилетия: в наш вялый, обветшавший век даже у самых простецких из наших современников, как говорится, «светлеет в голове». Светские журналы порождают, а ежедневные газеты подпитывают ненасытный, сладострастный интерес к жизни высших классов. Такие сведения ничего не дают уму и ведут к упадку морали; от них не развивается ни одно из чувств и слабеет воображение. Знаменитости в домашней обстановке, иллюстрированные интервью, светские скандалы на всех уровнях — обо всем этом приятно чесать языками. Мемуары, воспоминания, анекдоты из юридической или научной среды представляют ценность куда большую, бросая новый свет на историю, но и они служат не более чем развлечению, помогают убивать время, которым мы разучились дорожить. В последние годы, однако, отчетливо проявляется спрос на книги, которые хотя бы в малой степени дают пищу уму и стимулируют наблюдательность. Цикл «Егерь у себя дома» и ему подобные сочинения, к примеру, открывают глаза горожанам, не знакомым с Уайтом из Селборна (или его подзабывшим), на то, какой прекрасный мир образов и звуков является тому, кто умеет наблюдать. Подобный же интерес возбуждает и «жуткая улица в городе тесном», если связать ее с криминальной романтикой, с загадками и их решением, как это делают более или менее остроумно авторы так называемой детективной литературы,

поток которой затапливает страницы периодических изданий. Ни один газетный киоск не обходится без детектива за шиллинг, ни один журнал, стремящийся увеличить свой тираж, не пренебрежет повестями о грабежах и убийствах. Большая их часть — невысокого пошиба: запутанная интрига сводится на нет в первой же главе, совпадения невероятны, сыщики наделены неправдоподобной интуицией, полагаются не столько на улики, сколько на озарения, для окружающих совершенно непонятные; они однообразны, от этого скучны, и если чем-то интересны, то не методами расследования, а исключительно результатом. Мы можем восхищаться Лекоком, но не представляем себя на его месте. Заслуженный успех доктора Конан Дойла как автора детективных рассказов и успех его героя, сделавшегося любимцем всех британских мальчишек, объясняется изумительным остроумием метода. Он демонстрирует, с какой легкостью умелый наблюдатель вызнает массу подробностей о жизни своих ни в чем не повинных и ничего не подозревающих друзей и далее, при помощи тех же приемов, разоблачает преступника и подробности его злодеяния. Нет ничего нового под солнцем: Вольтер научил нас методу Задига, и каждый толковый преподаватель медицины и хирургии повторяет в своей повседневной практике этот метод и его результаты. Точное, вдумчивое наблюдение и оценка мелких различий — одно из важнейших условий правильного диагноза. Перенесите эту методику в обычную жизнь, добавьте ненасытную любознательность и обостренную восприимчивость — и получится Шерлок Холмс, повергающий в изумление своего туповатого друга Ватсона; перенесите ее в профессиональную сферу — получится Шерлок Холмс, искусный сыщик.

Будучи студентом-медиком, доктор Конан Дойл научился наблюдать, а врачебная практика в качестве терапевта и специалиста дала ему — человеку, наделенному зрением, памятью и воображением, — возможность отточить это умение. Глаза, способные видеть, уши, способ-

ные слышать, память, способная удерживать и воспроизводить впечатления органов чувств, воображение, способное сплести версии и соединять порванные цепочки, распутывать запутанные клубки, — таковы орудия диагноста, которыми он владеет сполна. А поскольку наш доктор к тому же прирожденный рассказчик, ему останется только выбирать, станет ли он писать детективные рассказы или прибережет свои силы для большого исторического романа, такого как «Белый отряд». Сайм, один из самых крупных специалистов, когда-либо обучавших хирургической диагностике, любил приводить сравнение, которое, будучи традицией его школы, наложило отпечаток на метод доктора Конан Дойла: «Старайтесь изучить облик болезни или повреждения так же точно, как помните облик, походку, жесты ближайшего друга». Друга вы различите сразу даже в толпе; пусть вокруг много одинаково одетых людей, у всех похожие глаза, носы, волосы, руки и ноги; пусть все их отличия состоят в мелочах, и все же, зная эти мелочи, вы с легкостью установите диагноз или узнаете близкого человека. Так же обстоят дела и с болезнями души, тела или морали. Расовые признаки, наследственные черточки, акцент, работа или ее отсутствие, образование, среда — все эти незначительные обыденные воздействия постепенно формируют индивида, оставляют на нем подобие отпечатков пальцев или следов резца, которые способен распознать эксперт. Общие признаки, даже на беглый взгляд свидетельствующие о сердечных заболеваниях, чахотке, хроническом алкоголизме или длительной кровопотере, способен распознать и самый зеленый новичок в медицине, однако лишь мастер своего искусства оценит сотни примет, которые говорят о многом, но только тому, кто умеет их услышать. Недавно вышла объемистая и очень толковая книга об одном-единственном симптоме — пульсе; любому, кроме опытного врача, это сочинение покажется таким же нелепым, как бессмертный трактат Шерлока Холмса о ста четырнадцати разновидностях табачного

пепла. Самое большое достижение последних лет в области медицинской профилактики и диагностики — это бактериологические исследования, позволяющие различать микроорганизмы, которые распространяют холеру и лихорадку, туберкулез и сибирскую язву. Важность этих бесконечно малых организмов трудно переоценить. Достаточно отравить колодец в Мекке бактериями холеры, и святая вода, которую увозят в бутылках пилигримы, инфицирует целый континент, и все морские порты христианского мира ужаснутся лохмотьям жертв моровой язвы.

Привыкнув замечать и оценивать мелкие детали, доктор Дойл понял: чтобы заинтересовать неглупого читателя, нужно сделать его доверенным лицом, раскрыть свои методы работы. Он создал сообразительного, проницательного героя, наполовину врача, наполовину музыканта, располагающего свободным временем и цепкой памятью, а кроме того, наделенного едва ли не главным даром — умением освобождать свой мозг от бремени ненужных подробностей. Холмс говорит Ватсону: «В чердачке своего мозга следует хранить всю мебель, которая может тебе пригодиться, а остальную выставить в чулан своей библиотеки, откуда ее можно достать в случае надобности». Притом его живейшим образом интересуют незначительные следы, отпечатки, отметины, оставленные средой, трудом, ремеслом, поездками, — все, что может послужить пищей его ненасытной любознательности, едва ли не бесчеловечной, поскольку она не направлена на человеческую личность. Автор присваивает герою роль сыщика-любителя, свободного по этой причине от ответственности; к нему обращаются по множеству разнообразных поводов, и мы узнаем, каким образом он справляется с задачей. По воле автора герой объясняет добропорядочному Ватсону банальные, или мнимо банальные, звенья в цепи доказательств. После этого они становятся столь незамысловаты и очевидны, что простодушный читатель тут же говорит себе: я тоже так могу;

жизнь — не такая уж скучная штука; я буду бдителен и до многого докопаюсь. Золотые часы с поцарапанным отверстием для ключа и отметками ростовщиков поведали ему все о брате Ватсона. Пыльный старый котелок сообщил, что его владелец уже не первый год попивает и вчера постригся. Крохотный шип и зловецкий отпечаток ноги, оставленный не ребенком и не обезьяной, помог Холмсу опознать и поймать туземца с Андаманских островов. Но, несмотря на все это, вы говорите: тут нет ничего чудесного, мы тоже так можем.

Квалифицированные врачи и хирурги каждый день, принимая самых скромных пациентов, проделывают схожие рассуждения, в меру своих сил, кто быстрее, кто медленней; опытные — почти автоматически, новички — с трудом, часто наугад, но каждому требуются те же простейшие средства: органы чувств, чтобы воспринимать факты, а также образование и ум, чтобы использовать полученные сведения. Одной только остроты зрения и слуха недостаточно. Следопыт-индеец расскажет вам, что следы на листве оставлены не краснокожим, а бледнолицым, потому что судит по форме отпечатка, но только эксперт, разбирающийся в коже для обуви, способен определить, где эта обувь шита. Зоркий сыщик замечает отпечаток грязного или испачканного кровью пальца на бархате или зеркале, но необходимы познания такого специалиста, как Гальтон, чтобы проявить и закрепить выступы и бороздки на пятне и затем по их рельефу установить подозреваемого вора или убийцу. Шерлок Холмс обладает необходимой остротой чувств, а также специальной подготовкой и знаниями, позволяющими извлечь пользу из наблюдений; и он может позволить себе ознакомиться нас с секретами своего метода. Но созданием героя доктор Дойл не ограничился; в своих замечательных произведениях он проявил себя прирожденным рассказчиком. Ему хватает выдумки, чтобы создать отличную интригу и усложнить ее интересными поворотами; его язык — подлинный, мощный, свободный от вычурности

англосаксонский; к тому же он не грешит многословием. Он понимает, сколь приятна краткость и как скучны затяжки, и потому создал истории, которые успеваешь прочитать между обедом и кофе, не рискуя забыть начало, прежде чем доберешься до конца. Обычные детективы, от Габорио и Буагобея до новейших сенсационных романов, заставляют читателя совершать ненужные и утомительные усилия, чтобы удержать в памяти все обстоятельства преступления и возникающие на каждом шагу ложные следы. У доктора Дойла вы не забудете ни одного происшествия и не упустите ни одной важной детали.

ЧАСТЬ I

(Из воспоминаний доктора медицины Джона Х. Ватсона,
бывшего хирурга Военно-медицинского управления)

Глава I МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Получив в 1878 году в Лондонском университете диплом доктора медицины, я прошел затем в госпитале Нетли подготовку к службе армейским хирургом. По завершении курса меня, в звании помощника хирурга, записали в Пятый нортамберлендский стрелковый полк. В ту пору полк находился в Индии, и, прежде чем я успел туда добраться, началась Вторая афганская война. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус преодолел горную местность и значительно углубился во вражескую территорию. Однако я, вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в таком же положении, сумел благополучно добраться до Кандагара, где нагнал свой полк и приступил к новым обязанностям.

Афганская кампания принесла многим ее участникам славу и чины, на мою же долю выпали одни злосчастья. Из моей бригады меня перевели к беркширцам, с ними я участвовал в роковом сражении при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из джезайла, которая раздробила кость и задела подключичную артерию. Я попал бы в руки кровожадных гази, если бы не преданность и мужество моего ординарца Марри: он погрузил меня на вьючную лошадь и благополучно доставил в расположение нашей пехоты.

Страдающего от раны и изнуренного долгими невзгодами, меня, вместе со многими другими бедолагами, перевезли в главный госпиталь в Пешаваре. Там я окреп,

мог уже ходить по палате и даже нежиться на веранде, но вскоре подхватил брюшной тиф — истинное проклятье наших индийских владений. Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал поправляться, медицинский консилиум, ввиду слабости и истощенности пациента, определил, что его надлежит немедленно отослать обратно в Англию. Так я взошел на борт войскового транспорта «Оронтес» и месяцем позднее высадился на причале Портсмута. Здоровье мое оказалось безвозвратно расстроено, однако благодаря отеческой заботе властей мне было дано девять месяцев, чтобы его поправить.

Не имея в Англии ни единой родной души, я оказался свободен как воздух — точнее, свободен в меру своего дохода, составлявшего одиннадцать шиллингов шесть пенсов в день. В таких обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон — великую клоаку, что принимает неостановимые потоки бездельников и дармоедов из всей Империи. Некоторое время я жил в частной гостинице на Стрэнде, ведя бессмысленное, безрадостное существование и тратя больше денег, чем мог себе позволить. С финансами стало так туго, что вскоре я понял: надо либо покинуть столицу и обосноваться где-нибудь в провинции, либо полностью поменять свой образ жизни. Выбрав второй вариант, я задумался о том, чтобы вместо гостиницы избрать себе жилище скромнее и дешевле.

В тот самый день, когда созрело это решение, я заглянул в бар «Крайтерин». Кто-то похлопал меня по плечу, и я, обернувшись, узнал молодого Стэмфорда, моего прежнего ассистента из «Бартса». Когда ты один-одинешенек, что может быть приятней, чем встретить в огромной пустыне, зовущейся Лондон, знакомое приветливое лицо? В старые времена мы никогда не были особо близки, но сейчас я тепло его приветствовал, а он, похоже, был искренне рад меня видеть. От избытка чувств я пригласил его на ланч в «Холборне», мы взяли хэнсом и отправились туда.

— Как вы жили-поживали все это время, Ватсон? — с нескрываемым любопытством осведомился Стэмфорд, пока мы катили по запруженным лондонским улицам. — Вы загорели до черноты и исхудали как щепка.

Я вкратце описал свои приключения, что заняло почти целиком время поездки.

— Бедняга! — посочувствовал он, выслушав мой рассказ. — И какие у вас теперь планы?

— Ищу квартиру, — ответил я. — Поставил себе задачу найти за разумную цену удобное жилье.

— Странное дело, — заметил мой спутник, — в точности то же я сегодня уже слышал.

— И от кого?

— От одного знакомого, он работает в химической лаборатории при нашем госпитале. Жаловался нынче утром, что не может найти сожителя: ему попалась премилая квартирка, но снимать ее в одиночку ему не по карману.

— Бог мой, если он действительно подыскивает компаньона, я-то ему и нужен. По мне, так вдвоем даже веселее.

Молодой Стэмфорд бросил на меня странный взгляд поверх бокала:

— Вы ведь не знакомы с Шерлоком Холмсом. Быть может, постоянное соседство с ним не придется вам по вкусу.

— Почему? Чем он плох?

— Я не говорю, что плох. Просто он немного того: страстно увлечен наукой, точнее, некоторыми науками. Насколько мне известно, он вполне приличный человек.

— Изучает медицину?

— Нет... понятия не имею, на что Холмс нацелился. Он поднаторел в анатомии и отлично знает химию, но, насколько мне известно, никогда не изучал медицину систематически. Его научные занятия причудливы и отрывисты, но он накопил такую уйму разрозненных сведений, что его профессоры были бы поражены.

— А вы не спрашивали, что у него на уме?

— Нет, его нелегко вызвать на откровенность, хотя под настроение он бывает довольно разговорчив.

— Пожалуй, я не прочь свести с ним знакомство. Если придется делить с кем-то жилье, пусть это будет человек спокойный, занятый наукой. Я еще недостаточно окреп, чтобы выносить шум и тревожнения. Всего этого мне с лихвой хватило в Афганистане. Как встретиться с этим вашим приятелем?

— Наверняка он в лаборатории, — предположил мой спутник. — Он либо неделями там не бывает, либо сидит с утра до ночи. Если хотите, поедем туда сразу после ресторана.

— Очень хорошо, — ответил я, и разговор свернул на другие предметы.

По дороге из «Холборна» в госпиталь Стэмфорд сообщил мне новые подробности о человеке, которому я собирался предложить соседство.

— Если вы не уживетесь, меня не вините, — сказал он. — Я с ним знаком только по случайным встречам в лаборатории. Это была ваша идея, так что не обессудьте.

— Если не уживемся, то разъедемся, да и все. Сдается мне, Стэмфорд... — Я пристально взгляделся в своего спутника. — Сдается мне, вы неспроста хотите умыть руки. В чем дело? У него такой уж скверный характер? Хватит ходить вокруг да около.

— Нелегко объяснять то, что объяснению не поддается, — усмехнулся Стэмфорд. — Холмс, на мой вкус, чересчур погружен в науку — я бы сказал, до бесчувствия. Могу вообразить, как он дает какому-нибудь приятелю щепотку новейшего растительного алкалоида — без всяких недобрых намерений, единственно из желания узнать, как он действует. В его оправдание: думаю, он с готовностью поставил бы тот же опыт на себе. Похоже, у него тяга к точному знанию.

— Очень правильная тяга.